

INM
ITINERARIO NEL MERAVIGLIOSO

DALLA PROVINCIA REMOTA
RIFLESSIONI SU TESTI DELLA CULTURA RUSSA
DAL XVIII AL XXI SECOLO

A cura di
CLAUDIA SCANDURA e ORNELLA DISCACCIATI

Edizioni Nuova Cultura

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Zamjatin
ESTRATTO

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Zamjatin
ESTRATTO

INM
ITINERARIO NEL MERAVIGLIOSO

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Zamjatin
ESTRATTO

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Zamiatin
ESTRATTO

DALLA PROVINCIA REMOTA

RIFLESSIONI SU TESTI DELLA CULTURA RUSSA
DAL XVIII AL XXI SECOLO

ИЗ ГЛУХОЙ ПРОВИНЦИИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕКСТАМИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
XVIII-XXI ВВ.

FROM THE DEPTHS OF THE COUNTRY

REFLECTIONS ON TEXTS OF RUSSIAN CULTURE
FROM THE 18TH TO THE 21ST CENTURY

A cura di

CLAUDIA SCANDURA e ORNELLA DISCACCIATI

Edizioni Nuova Cultura

Itinerario nel meraviglioso. Studi di cultura russa

Responsabili Scientifici

Claudia Scandura, *Sapienza Università di Roma*

Ornella Discacciati, *Università degli Studi della Tuscia*

La collana si avvale della procedura di valutazione
e accettazione *double blind peer review*.

Questo volume è stato stampato con il contributo di:
Dipartimento di Studi Europei, Americani e Interculturali

Copyright © 2016 Edizioni Nuova Cultura - Roma

ISBN: 9788868126162

DOI: 10.4458/6162

Copertina: a cura di Luigi Novelli

Composizione grafica: a cura di Emilio Mari

Questo libro è stampato su carta FSC amica delle foreste. Il logo FSC identifica prodotti che contengono carta proveniente da foreste gestite secondo i rigorosi standard ambientali, economici e sociali definiti dal Forest Stewardship Council

È vietata la riproduzione non autorizzata, anche parziale,
realizzata con qualsiasi mezzo, compresa la fotocopia,
anche ad uso interno o didattico.

Indice

- 7 In luogo di una prefazione
CLAUDIA SCANDURA e ORNELLA DISCACCIATI
- 9 ROSANNA CASARI
L'Oltre Volga e Mosca: eremi e mercanti vecchio-credenti
nella provincia russa di Mel'nikov-Pečerskij
- 19 ORNELLA DISCACCIATI
At the City Gates – Roman Senchin's Hell
- 37 ОЛЬГА ФРОЛОВА
Образ провинции у Андрея Платонова (на материале рассказов 1920-х гг.)
- 53 АНАСТАСИЯ КОНДРАШЁВА
Александр Дмитриевич Агафи – баснописец из Астрахани
- 63 ANNE LOUNSBERY
Turgenev's Cosmopolitans Come Home
- 77 ЭМИЛИО МАРИ
Пороги и третьи ландшафты. С целью исследования (пара)текста
русской провинции

- 95 KATHLEEN PARTHÉ
The Afterlife of Russian Village Prose: A View from 2015
- 107 УГО ПЕРСИ
Образ русской провинции в «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни, написанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в авгксте месяце, на 25-ом году от рождения моего» князя Ивана М. Долгорукова: конец XVIII – начало XIX века
- 117 MARIA CHIARA PESENTI
Rigore/vs/libertà: il foglio volante nella provincia russa tra Settecento e Ottocento
- 145 АНДРЕЙ ПОЛОНСКИЙ, ВАЛЕНТИНА ГЛУШКОВА
Долгая память провинции (на материале творчества писателя Евгения Дубровина и графика Станислава Косенкова)
- 153 КЛАУДИЯ СКАНДУРА
Деревня как остров доброты в романе Тимура Кибирова «Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви»
- 163 ОЛЬГА ТРУХАНОВА
Русская провинция как *modus vivendi*
- 175 ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН
Миф и антимиф России: изображение пространства в русской культуре и литературе

Миф и антимиф России:
изображение пространства в русской культуре и литературе

ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН

Эпоха модерна – время радикального слома, решающих трансформаций представлений о земном пространстве. Не вдаваясь в подробную характеристику самого модерна (см. Козловски 2002; Хабермас 2003), следует, в первую очередь, отметить, что беспрецедентные для любых человеческих историй географические открытия XV–XX вв. стали не просто уничтожением, "закрытием" практически всех terra incognita, но и предпосылкой для мультиплицированного развития ранее не возможных, или же слабо представимых образов пространства (Шмитт 2008; Слотердаик 2007). Эта уникальная когнитивная ситуация с феноменологической точки зрения являлась, а до некоторой степени является и до сих пор, "источником" и в то же время условием порождения всё новых и новых способов представления, репрезентаций земного пространства, которые сами по себе также становятся всё более и более пространственными, образно-географическими (Замятин 2006а).

Локальные мифы, будучи одним из устойчивых типов пространственных представлений на протяжении, по крайней мере, всех известных письменных историй¹, претерпевают в эпоху модерна столь существенные системно-структурные изменения, что оказываются не только вполне традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определённые места и территории, но и принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, а также и будущего – будущее начинает как бы закрепляться, "фиксироваться" соответствующими легендарными событиями и историями, уверенно проецируемыми в пространство ещё не сбывшегося, не состоявшегося, однако весьма возможного и желательного. Если понимать под локальными

¹ См., например: Фрейденберг (1998); Элиаде (1987, 1994, 2000); Леви-Строс (1985); Кэмпбелл (2002); Хьюбнер (1996); Барт (2000); Мелетинский (1976); Вен (2003); Неклюдов (2000); Ассман (2004); Торшилов (1999); Терехин (1993, 2004); Фадеева (2000); Абашев (2000b); также: Митин (2004).

мифами систему специфических устойчивых нарративов, распространённых на определённой территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру, то основную суть когнитивных изменений, происходящих с локальными мифами и в них самих в эпоху модерна, в их самом первоначальном и грубом виде, можно свести к наглядным ментальным преобразованиям пространственной онтологии локальных мифов, их условных хтонических оснований (McLean 1999; Crouch 2001; Замятин 2008). Иначе говоря, пространство локальных мифов начинает быстро расширяться не возможными ранее темпами – не в смысле хорошо известной специалистам (филологам, искусствоведам, культурологам, психологам, историкам, этнологам, географам) повторяемости базовых архетипических сюжетов, воспроизводящихся в совершенно разных цивилизациях и культурах и на сильно удалённых друг от друга территориях, в совершенно различных порой природных и культурных ландшафтах (см., например: Леви-Строс 1985; Кэмпбелл 2002), а в смысле их семантической и образной экспансии в ранее не достижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ.

В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой, неотъемлемой и неотменимой онтологии пространства, "фиксируемого" не только и не столько конкретными мифологическими и легендарными местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные, или метагеографические (Замятин 2004; Manguel & Guadalupi 1999). Этот переход растягивается, по-видимому, на весь приблизительно выделяемый период модерна, однако только в XIX веке, по мере быстрого расширения колониальных европейских империй, начинается и географическая экспансия подобных локально-мифологических трансформаций, ведущая к появлению очень интересных гибридных, "креолизированных" ментальных образований. Другими словами, начинает работать принципиально иное, чем до сих пор, географическое воображение, основанное, с одной стороны, на включении, переработке, усвоении, преобразовании туземных, аборигенных мифов в рамках

картины мира условного европейского сознания², а, с другой стороны, ориентированное на производство, сотворение, очевидно, новых локальных мифов, призванных как-то объяснить, рассказать, описать известный культурный и цивилизационный шок европейского колонизатора, культуртрегера, исследователя, художника, писателя перед совершенно иными когнитивными и онтологическими установками наблюдаемых и разрушаемых ими автохтонных сообществ³.

Локальные мифы и динамика российской цивилизации

Российская цивилизация стала культивировать локальные мифы и включать их в состав "высокой культуры" сравнительно поздно по сравнению с европейской – их настоящее, а не эпизодическое проникновение в "толщу" семантически значимых цивилизационных репрезентаций относится уже к концу XIX – началу XX века (наиболее известный пример – миф о граде Китеже, весьма популярный среди многих представителей русской культуры Серебряного века, совершавших паломничества к соответствующему сакральному месту [Левандовский 1997; Криничная 2004]). Эпоха сентиментализма в русской культуре и литературе, усиленная в образно-географическом отношении наличием культурно-ландшафтного каркаса в виде помещичьих и дворянских усадеб и ярко выраженная путевыми записками конца XVIII – первой трети XIX века, создала первоначальный образный фундамент для возможного развития локальных мифов и соответствующих им культурных регионализмов (Шёнле 2004; Замятин 2006b). Классическая русская литература как бы сразу перепрыгнула локальные мифологии и возможности плодотворного творческого развития регионализма, попав в геократическую "ловушку" возникшего по историческим меркам очень

² Косвенными признаками такой социокультурной ситуации можно считать увлечение ряда значительных европейских художников искусством Востока, Африки, Дальнего Востока (Китая, Японии, островов Тихого океана), начиная примерно с середины XIX века. Характерные примеры: стиль «шинуазри» во французском искусстве; творчество Поля Гогена. См. также: Фишман (2003).

³ Классический пример – творчество английского писателя Джозефа Конрада (особенно – повесть «Сердце тьмы» и роман «Лорд Джим»). Параллельная «жесткая» сциентистская версия подобного мифотворчества на границе эпох Модерна и Постмодерна принадлежит Э. Саиду, чьи работы стали концептуальным основанием для развития целой школы постколониалистских исследований; см.: Саид (2006). Более приемлемая, «мягкая» сциентистская версия для разработки соответствующих локально-мифологических концепций создана Б. Андерсоном, см.: Андерсон (2001).

быстро, "внезапно", петербургского мифа. Хотя и Пушкин в "Капитанской дочке", и Гоголь в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" фактически были близки к созданию географических образов, наиболее благоприятных и в то же время чрезвычайно важных для понимания генезиса локальных мифологий в русской культуре, однако сам образно-географический фон этих произведений явно тяготел, как ни странно, к Веку Просвещения, в рамках которого и локальным мифологиям, и культурным регионализмам еще не могло быть места, онтологической возможности помыслить, вообразить их еще не существовало⁴.

Утверждение русской столицы в Петербурге было, в известной степени единственно возможным цивилизационным "ва-банком", разом обеспечившим не только разворот к материальной стороне европейской цивилизации, не только возможность приобщиться к высотам европейской культуры, но и создавшим принципиально новую образно-географическую ситуацию, позволившую разрабатывать образ России как европейской страны, а вместе с тем и значительной части ее территории (с чем, кстати, была связана и интересная история о передвижении официальной восточной границы Европы к Уралу [Бассин 2005]). На исходе долгого для России цивилизационного Века Просвещения, окончившегося, видимо, уже в 1815 году, стало ясно, что цивилизационное видение/географическое воображение России из Петербурга обречено достигать максимум Урала, далее оно начинает "прокручиваться", повторяя одни и те же "европейские мелодии", мало объясняющие смысл зауральских пространств как истинно российских географических образов. В духе альтернативной/контрфактической истории можно было бы представить, что случилось бы с цивилизационной динамикой России, если бы русская столица была бы, например, перенесена в 1815 году или чуть позже вновь в Москву или, в крайнем случае, в Нижний Новгород (как предполагал П. И. Пестель в «Русской

⁴ Характерно также, что, несмотря на серьезное присутствие знаково-символического «кавказского комплекса» в русской культуре – по крайней мере, уже с 1820-х гг. – полноценный и автономный кавказский миф в ее рамках так и не сформировался, оставшись на эмбриональном уровне экзотического «восточного» географического образа с постоянно воспроизводящимися романтическими культурными ассоциациями «кавказского пленника» (свидетельство непреходящего культурно-политического фронта, не способствующего, как правило, созданию самостоятельных автохтонных образов и мифов; сами образы и мифы фронта репрезентируются в высокой и массовой культуре чаще всего *postfactum* – уже после того, как бывшая фронтальная территория становится пространством оседлого и устойчивого мироустройства и мировоззрения). См.: Яценко (2007). Другое дело – успешные культурные контакты и взаимодействия с небольшими цивилизационными лимитрофами Закавказья – такими, как Армения и Грузия; см. например: Никольская (2000).

правде»⁵). Российская империя могла стать из петербургской, например, московской или нижегородской без всякого, по-видимому, ущерба для своего символически-имперского блеска, однако московская империя обрела бы, скорее всего, иное образно-географическое видение, другие геократические механизмы⁶, позволяющие, возможно, вновь и по-новому увидеть зауральские пространства (как это, например, удавалось, с совершенно ничтожными военными и экономическими ресурсами Московскому царству во второй половине XVI – первой половине XVII века, даже в эпоху Смуты начала XVII столетия [Любавский 1996; Вернадский 1997; Морозова 2005]). Петербургская империя была чисто европейским политическим телом, чья геократическая мощь была "продуктом" Века Просвещения – ее хватало в образно-символическом и проективном смысле только до Урала – если говорить о географическом воображении как имманентном для любой жизнеспособной цивилизации.

Как определённую геократическую реакцию на сложившуюся к началу XIX века цивилизационную образно-географическую ситуацию можно рассматривать формирование и мощное развитие петербургского мифа, оказавшего серьезное влияние на становление всей русской культуры XIX – начала XX века (Русские столицы 1993; Москва – Петербург 2000; Спивак 1998)⁷. Имперско-европейская геометрия и симметрия петербургской планировки и архитектуры, неприспособленность "маленького человека" к открытым, нечеловечески огромным и насквозь продуваемым промозглым петербургским пространствам, бесчеловечная чиновничья фальшь и суэта северной столицы стали фирменными чертами этого мифа, соединившего природу и культуру в

⁵ Пестель (1958). См.: Цымбурский (2006: 477-478).

⁶ *Геократия* – новый термин и понятие, который я пытаюсь ввести для обозначения той неопределённой когнитивной ситуации, которая сложилась в результате осмысления роли географического пространства в истории России и российской цивилизации. Впервые этот неологизм предложен мной в совместной статье с Н. Ю. Замятиной (2000). В нашем понимании, геократия – это сформировавшиеся в течение длительного исторического времени способы и дискурсы осмысления, символизации и воображения конкретного географического пространства, ставшего имманентным для аутентичных репрезентаций и интерпретаций определенной цивилизации.

⁷ Характерно, что полноценный с точки зрения модерна московский миф (вне аллюзий Третьего Рима) начал формироваться гораздо позже петербургского, примерно с начала XX века (не сформировавшись окончательно и до сих пор, что, видимо, связано уже с распадом концептуальных основ самого модерна). Тем не менее, трудно переоценить значимость вполне традиционалистского образа Москвы в его противопоставлении «европейско-имперскому» образу Петербурга.

образе, максимально отталкивающим и в то же время поистине величественном, подтверждавшем, хотя и весьма амбивалентно, значимость европейской модернизации для российской цивилизации. Корнем, первоосновой такого геочивилизационного мифа было онтологическое противоречие между властным характером, властной природой европейского образно-географического "месиджа", обеспечиваемого, казалось бы, символизацией Петербурга как столицы Российской империи, и фактическим бессилием реальной знаково-символической системы, прилагаемой и используемой по отношению к имперским пространствам в целом; Петербург к началу XX века был поистине столицей имперской по своему размаху и пространственному распространению образно-географической анархии – как бы ни парадоксально это звучало.

Безусловно, политические, культурные и интеллектуальные элиты Российской империи еще во второй половине XVIII века задумывались о некоей дополнительной геомифологической "подпорке" государства-цивилизации, в качестве которой достаточно долго рассматривался крымско-греческо-византийский комплекс мифов. Завоевание Крымского ханства дало реальные шансы для политико-идеологического развития и обоснования "греческого проекта" Екатерины Великой, наглядное осуществление которого позволило бы России попасть в "цивилизационное сердце" Европы не только в геополитическом, но и в геократическом смысле (Елисева 2000; Кириченко 2000; Зорин 2006). Фактически, однако, образы Крыма как античной окраины, периферии, провинции великого античного мира и родины русского православия в итоге, к началу XIX века, остались-таки, в условиях неосуществленного "греческого проекта", периферией и политико-идеологической риторикой Российской империи, развивавшейся теперь в контексте более современных и прагматичных политико-географических образов России как мощной в военном отношении европейской державы – без претензий на европейское античное наследие.

Так или иначе, сформированное нагнетание модерна в России второй половины XIX – начала XX века, обусловленное во многом геополитическими и геоэкономическими обстоятельствами этой эпохи, помогло – с некоторым запозданием по фазе – становлению культурных регионализмов и локальных мифов российской цивилизации. Многочисленные первоначальные собрания и обработки регионального русского фольклора (за ними и параллельно им

последовали собрания украинского, белорусского фольклоров, затем настал черед и других народов Российской империи), появление и быстрое развитие русской этнографии, следовавшей во многом западным, вполне позитивистским, образцам; сменяющие друг друга экспедиции Русского географического общества на окраины Российской империи с целью запечатлеть обычаи, уклад, традиции и нравы дотоле практически не известных с культурной и научной точки зрения этносов (Слезкин 2005, 2008; Найт 2005; Джераси 2005; Мартин В. Барымта 2005; Сухих 2005 и др.), буквальное "открытие" русской иконописи – все это следовало "рука об руку" с муками поиска национальной русской/православной идентичности, осложненными тяжелым и весьма обветшавшим "имперским декором" (Капеллер 2005; Реннер 2005; Сандерленд 2005; Слокум 2005; Викс 2005 и др.)⁸. С некоторым временным лагом по отношению к указанным событиям появляются писатели-регионалисты – сначала в типичной народнической среде с уклоном исключительно в темы пореформенной русской деревни; однако к началу XX века появляются уже такие яркие писатели, как А. И. Эртель – классический "черноземный" творец, или же Д. Н. Мамин-Сибиряк, поистине впервые явивший и предъ-явивший высокой русской культуре образ Урала (Кондаков 2002; Корнев 2003; Горизонтов 2005). Такие известные "столпы" русской культуры эпохи модерна, как И. А. Бунин и А. М. Горький, начинали свое творческую траекторию, свой "взлет" тоже как писатели-регионалисты, а В. Короленко сумел-таки стать по-настоящему большим писателем, никогда "не теряя" под собой региональной "почвы". Столыпинские реформы создали дополнительный импульс для формирования и развития культурных регионализмов, и многие русские писатели поначалу активно откликнулись "поворотом на Восток", в сторону Сибири (предыдущий мощный импульс был обусловлен проектированием, строительством и началом работы Транссибирской железнодорожной магистрали, но еще до начала ее строительства свой "жертвенный" рывок на восток совершил А. П. Чехов, оформив его заметками о Сибири и "Острове Сахалином").

Советская эпоха заметно сменила культурно-идеологические акценты, принципиально выравнивая любые региональные социокультурные различия с помощью целенаправленной культурной политики явного централистского

⁸ Обзорные и концептуальные статьи, рассматривающие современные проблемы формирования российской идентичности см.: Pro et Contra (2007).

толка – "Москва и все остальное"⁹. Тем не менее, 1920-1930-е годы оказались, по цивилизационной инерции, накопленной еще с конца XIX века, весьма "урожайными", хотя бы и *postfactum*, для становления локальных мифологий в России. Труды П. Бажова на Урале (см.: Литовская 2006b; Бажовская энциклопедия 2007), С. Писахова (Пономарёва 2005), а затем Б. Шергина на Русском Севере (Шульман 2003), оформляются, наконец, достаточно четкие в образном отношении локальные мифы Урала и Русского Севера – несмотря на то, что творцы этих мифов опирались, во многом в целях собственной личной безопасности, на критичные установки и парамарксистские догмы по отношению к досоветскому прошлому своих регионов (Капкан 2006; Пономарёва 2005). Важно, что эти локальные мифы выходят на общенациональный уровень, фиксируются официальной культурой как допустимые в идеологическом плане, оказываются все-таки возможными полускрытые или прикрываемые политической идеологией геомифологические дискурсы.

Быстрый распад модерна, начавшийся активно на Западе уже в 1910-1920-х годах, не обошел стороной и Россию, где он был отмечен поистине великой традицией русского авангарда, окончательно сломленного советской действительностью только примерно к середине 1930-х гг. Это означало, что в рамках комплексной советской модернизации неизбежный, по сути, и для российской цивилизации, распад модерна как бы откладывался, все время переносился в будущее, а классические формы модерна постоянно "подмораживались", подновлялись, прикрывая собой дискурсивное разложение самих образов модерна. Социалистический реализм был такой дискурсивной формой "подмораживания", подавлявшей в том числе и возможности развития полноценных локальных мифов и культурных регионализмов (Добренко 2007). Успевшие сложиться в своих первоначальных ментальных конфигурациях в начале советской эпохи (политика подъема национальных окраин 1920-х гг. способствовала этому) локальные мифы как бы зависли в безвоздушном пространстве зрелого советского дискурса, отменяющего былые поиски национальной идентичности эпохи классического и позднего модерна в его региональных выражениях и смыслах.

⁹ Классический пример – роман В. Ажаева «Далеко от Москвы» (1948), в котором дискурс максимальной централизации советского пространства показан предельно четко. См. также: Каганский (2001); Замятин (2003).

Советская модернизация: «вечная мерзлота» локальных мифов

Внешняя очевидная жесткость и жестокость социополитических процессов советской модернизации 1920—1950-х гг. не смогла все же полностью подавить, вернее, онтологически деформировать возможности появления и выхода на поверхность массовых культурных репрезентаций локальных мифов российской цивилизации. Часть их была связана еще с дореволюционными попытками сознательного "интеллигентского" поиска и конструирования локальных мифов деятелями русского Серебряного Века – как в случае "града Китежа" и Крыма-Киммерии, чей образ и его культ формировались, прежде всего, усилиями художника К. Богаевского и поэта М. Волошина¹⁰. В качестве некоего наследования данной традиции можно рассматривать и творчество Бориса Пастернака, в котором можно вполне четко увидеть становление уральского мифа русской культуры ("уральские" стихи, роман "Доктор Живаго") (Абашев (2000а, 2004) и, с гораздо меньшей четкостью – поволжского мифа – причем сразу на уровне "высокой культуры", параллельно с более сниженными, фольклорного образца, произведениями П. Бажова (см. также: Фрейдин 2004; Одесский 2004; Милюкова 2004). Весьма характерно, что в своем поэтическом отрывке "Урал", написанном позднее, чем бажовские и пастернаковские произведения, Н. Заболоцкий сумел представить некий условный образно-географический синтез уральского мифа, опирающегося на местную "горную" космогонию и одновременно на конструктивизм советского стиля, связанный, опять-таки, природными ресурсами и природно-зональными образами Уральской горной системы¹¹. Однако более удивительным культурным феноменом советской эпохи

¹⁰ См. также: Люсий (2003, 2007). Я не рассматриваю здесь подробно современные версии, конца XX – начала XXI века, крымского мифа, развивавшиеся, например, в творчестве поэтической группы «Полуостров» (особенно поэзия А. Полякова) и в деятельности поэта, эссеиста и культуртрегера Игоря Сиды (Боспорские форумы 1993—1995 гг., московский литературный салон «Крымский геопоэтический клуб» конца 1990-х – начала 2000-х гг., попытка возрождения волошинского мифа Крыма в постмодернистском ракурсе); см.: Reflect... (2007). Важно также отметить интенсивные усилия русскоязычных культурных элит современного Крыма по возрождению образа Крыма конца XIX – начала XX века в рамках Российской империи (издания поэтических антологий, сборников воспоминаний, легенд и мифов), актуализированные во многом современной государственной принадлежностью крымской территории Украине. Это не мешает, однако, параллельному возрождению и культивированию образа Крыма в рамках крымско-татарских представлений о судьбе полуострова.

¹¹ В рамках постсоветской социокультурной ситуации важное значение имел цикл романов Сергея Алексеева, прежде всего, «Сокровища Валькирии» (см.: Алексеев 1997); в 2000-х гг. мифологическую «эстафету» приняли писатели Алексей Иванов (романы «Сердце Пармы» и «Золото бунта») и Ольга

можно считать постепенное, подспудное, латентное наращивание образно-географических возможностей сибирско-дальневосточного мифа на основе лагерно-гулаговских текстов (фольклора, воспоминаний, художественных произведений), начавших "всплывать" в толще цивилизационных репрезентаций с конца 1950-х гг. (здесь мы абстрагируемся от того, что значительная часть этих текстов относится в содержательно-фактическом отношении к Русскому Северу, Уралу и Казахстану, поскольку именно для Сибири и Дальнего Востока гулаговские тексты сыграли, возможно, решающую роль "спускового крючка" для включения "стартового механизма" формирования соответствующего мифа – в отличие, по-видимому, от других "лагерных" регионов)¹².

Безграничные жестокость и ужас гулаговских лагерей вели к формированию специфического и яркого локального фольклора, в котором побег, затерянное место стали выдающимися ментальными топосами почти любой человеческой судьбы за Уралом. Это была, практически, монотонная прото-мифология страшного и примитивного безграничья – пространства, беспорядочно и с постоянным ускорением разбегающегося, растекающегося – пространства центробежного уже чисто онтологически. Таковы, по большому счету, и художественные произведения В. Шаламова, и мемуары гулаговцев – там, где можно обнаружить хоть какие-нибудь географические образы. Попытки увидеть, *про-видеть* подобное сибирское пространство мы можем наблюдать уже в ряде стихотворений О. Мандельштама 1920-х гг., в которых век-зверь, век-волкодав оборачивается "жаркой шубой сибирских степей" – "распатанное", развинченное время оборачивается архаично-родным, но также смертельно опасным пространством неведомого Зауралья (стоит ли говорить, что поэт предсказал свою судьбу и образно-географически). Начиная с 1960-х гг. эта неофициальная сибирская прото-мифология начала интенсивно накрываться "плащом" официальной советской пропаганды, связанной с ускоренным освоением нефтяных месторождений Западной Сибири, лесных, гидроэнергетических и минеральных ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, однако, так и не создавшей прочной и автономной геопоэтики освоения Зауралья (см.: Вайль & Генис 1999). В качестве небольшого исключения можно указать лишь на специфическую и почти не выходящую на поверхность массовой советской

Славникова (прежде всего, роман «2017»). См. также: Литовская (2006а); Подлесных (2006); Соболева (2006); Абашев (2006); Новопашин (2005, 2007).

¹² См. также: Поэзия узников (2005).

культуры зауральскую субкультуру геологов, антропологов, этнографов и археологов, хранивших и модернизировавших фольклор парасоветского и а-советского интеллектуального андеграунда, в том числе в виде многочисленных бардовских песен – например, А. Городницкого и В. Туриянского (в советской литературе 1970-х гг. достойным, хотя и фактически единственным, выражением этого регионально-ментального пласта стало творчество писателя О. Куваева, прежде всего, его роман "Территория" (1975), написанный на материалах полевых экспедиций на Чукотке)¹³.

Между тем, советская эпоха, подобно эпохе поиска русской национальной идентичности примерно веком раньше, прямо способствовала накоплению потенциальных образно-географических ресурсов для построения возможных локальных мифов Зауралья. Масштабные этнографические экспедиции советского времени, направленные на записи мифов и сказок бесписьменных культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также на дальнейшие научные интерпретации этого наследия; попытки создания письменности и литературы для отдельных народов Северной Евразии породили к концу XX века мощный ментальный пласт российской цивилизации, потенциально продвигающий ее к осознанию себя как *северо-евразийской* – то есть могущей

¹³ Замятин (2006b: 86-89). Ситуация начала XXI века представляется гораздо более динамичной и интересной; см., например: Груздов & Свешников (2007). См. также: Тюпа (2002); Сибирь: взгляд извне и изнутри (2004); Гудкова (2007). Симптоматично, что тематика всевозможных региональных текстов, «отпочковавшаяся» от известного «петербургского текста русской литературы» В. Н. Топорова, начала сильно расширяться и углубляться в конце XX века, на руинах советского пространства (ранее всего, естественно, «московский текст» – еще в позднесоветскую эпоху, чуть позднее – «пермский», «уральский», «крымский», «балашовский», «сибирский» и т.д.). С геократической точки зрения можно сказать, что с помощью понятия регионального текста происходит первоначальное ментальное «застолбление» и «межевание» перспективных локальных мифов и географических образов, «подмороженных» советской эпохой. Такое когнитивное состояние культуры представляется нам все же достаточно временным и преходящим, поскольку интенсивные социокультурные процессы глобализации способствуют развитию постмодернистских ситуаций смешения всех и всяческих текстов, созданию почти тотальной, континуальной интертекстуальности и формированию бесчисленных – даже не локальных, но уже глокальных – историй. Если же возвращаться к проблематике «петербургского текста», то, скорее всего, она представляет собой вторичную геократическую «реакцию», основанную на известных версиях классического петербургского мифа, однако в значительной степени «вырожденную», идеологически суженную, в силу очевидных обстоятельств советского времени, но также – что важнее (ибо рефлексии на тему петербургского текста продолжаются и в начале XXI века) – в силу невозможности устойчивого «расширенного» идеологического воспроизводства самого этого мифа, остающегося – так или иначе – ментальным «памятником» раннего российского модерна и, в то же время, свидетельством геократического кризиса российской цивилизации XIX – начала XX века.

впитать в себя и трансформировать мифы и образы северных и зауральских народов, попавших в сферу ее пространственной экспансии¹⁴. Другое дело, что фольклор и мифологии коренных народов Севера в советское время почти не проникали на уровень "высокой культуры", оставаясь в рамках традиционно узких научных дискурсов европейского цивилизационного образца (творчество отдельных писателей коренных народов Севера – таких, например, как чукотский писатель Юрий Рытхэу или чукотская поэтесса Антонина Кымытваль – оставалось, по всей видимости, в культурном контексте слегка модернизированного советскими идеологическими установками все того же колониалистского/культуртрегерского дискурса [см.: Малори 2007]).

* * *

В чем состоит экзистенциальная свобода локальных мифологий? Всякий миф по своему происхождению локален, однако всеобщность архетипических мифов основана, в том числе, на феноменологическом преодолении их локальности как таковой. Эпоха Модерна и Постмодерна позволила как бы перевернуть само понимание локальности мифа: любая локальность, любой локально-ментальный конструкт может рассматриваться как миф, если в нем территория, регион, место мыслится / воображается как нарративная протяженность и напряженность самого пространства – пространства, самого себя "рассказывающего". Локальный миф есть онтологическое "предчувствие" места в его проективном будущем, *предстоящем*, размещаемом и представляемом последовательностью конкретных географических образов прошлого и настоящего, *обстоящих* пространственность как возможность любой онтологии.

¹⁴ Публикации в рамках известной научной серии «Сказки и мифы народов Востока».

Литература

АНДЕРСОН Б.

2001 Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

АБАШЕВ В. В.

2000a Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000.

2000b Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 6 (46). с. 275-288.

2004 «Люверс родилась и выросла в Перми...» (место и текст в повести Бориса Пастернака) // Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. Ред. Зайонц Л. О.; Сост. Абашев В. В., Белоусов А. Ф., Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004. с. 561-593.

2006 «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила...»: геопэтика как основа геополитики // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь: Мобиле, 2006. с. 197-208.

АЛЕКСЕЕВ С.

1997 Сокровища Валькирии. М.: ОЛМА-Пресс; СПб.: Нева, 1997.

АССМАН Я.

2004 Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

БАЖОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

2007 Бажовская энциклопедия / Ред.-сост. В.В. Блажес, М.А. Литовская. Екатеринбург: Сократ; Изд-во Уральского ун-та, 2007.

БАРТ Р.

2000 Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

БАССИН М.

2005 Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. с. 277-311.

ВАЙЛЬ П. & ГЕНИС А.

1999 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

БЕН П.

2003 Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. с. 100-106.

ВЕРНАДСКИЙ Г. В.

1997 Московское царство. Часть 1. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1997.

ВИКС Т. Р.

2005 «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863—1914 // Российская империя в зарубежной историографии... с. 589-610.

ГОРИЗОНТОВ Л. Е.

2005 Русский человек у порубежья Европы и Азии. По страницам уральской энциклопедии Д. Н. Мамина-Сибиряка // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей. К 50-летию А. В. Ремнева / Под ред. Суворовой Н. Г. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. с. 97-119.

ГРУЗДОВ Е. & СВЕШНИКОВ А.

2007 Словарь мифологии Омска (I) // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007. с. 250-267.

Гудкова Е. Ф.

- 2007 Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII—XIX вв.
<http://guuu7.narod.ru/HS.htm>

ДЖЕРАСИР.

- 2005 Этнические меньшинства, этнография и русская национальная идентичность перед лицом суда: «мултанское дело» 1892—1896 // Российская империя в зарубежной историографии... с. 228-273.

ДОБРЕНКО Е.

- 2007 Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

ЕЛИСЕЕВА О. И.

- 2000 Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: Ин-т российской истории РАН, 2000.

ЗАМЯТИН Д. Н.

- 2003 Географические образы в комедии Андрея Платонова «Ноев ковчег» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 5, юбилейный. М.: ИМЛИ, 2003. с. 162-170.
- 2004 Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.
- 2006a Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
- 2006b Русская усадьба: ландшафт и образ // Вестник Евразии. 2006. № 1 (31). с. 70-92.
- 2008 Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независимая газета. 23.07.2008.

ЗАМЯТИН Д. Н. & ЗАМЯТИНА Н. Ю.

- 2000 Пространство российского федерализма // Политические исследования. 2000. № 5. с. 98-110.

КАГАНСКИЙ В.
2001 Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

КАПЕЛЛЕР А.
2005 Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии... с. 395-436.

КАПКАН М. В.
2006 Уральские города-заводы: мифологические конструкты // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. Гуманитарные науки. Вып. 12. Культурология. с. 36-45.

КИРИЧЕНКО Е. И.
2000 «Греческий проект» Екатерины II в пространстве Российской империи. Потемкин и Новороссия // XVIII век: ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. с. 244-260.

КОЗЛОВСКИ П.
2002 Миф о Модерне. М.: Республика, 2002.

КОНДАКОВ Б. В.
2002 Русская литература 1880-х гг. и художественный мир Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. Гуманитарные науки. Вып. 5. с. 9-24.

КОРНЕВ И. Н.
2003 Географический образ Урала в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка // География. Приложение к газете «Первое сентября». 2003. № 6, 7, 9.

КРИНИЧНАЯ Н. А.
2004 Русская мифология. Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004.

КЭМПБЕЛЛ Д. Ж.
2002 Мифический образ. М.: АСТ, 2002.

ЛЕВАНДОВСКИЙ А. А.
1997 «Мистерия» на Светлояр-озере в восприятии интеллигенции // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Ред. Гаспаров Б., Евтухова Е., Осповат А., М. фон Хаген. М.: ОГИ, 1997. с. 202-213.

ЛЕВИ-СТРОС К.
1985 Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985.

ЛИТОВСКАЯ М. А.
2006a Литературная борьба за определение статуса территории: Ольга Славникова – Алексей Иванов // Литература Урала: история и современность. Вып. 2. Екатеринбург: УрО РАН; Изд. Дом «Союз писателей» 2006. с. 66-76.

2006b Проблема формирования региональной мифологии: проект П.П. Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь: Мобиле, 2006. с. 188-197.

ЛЮБАВСКИЙ М. К.
1996 Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. Ред. Дегтярев А. Я. Вст. статья Дегтярева А. Я., Иванова Ю. Ф., Карева Д. В. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

ЛЮСЫЙ А. П.
2003 Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003;
2007 Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М. Русский импульс, 2007.

МАЛОРИ Ж.-Н.

2007 Адея-китов. М.: Изд-во NOTA BENE, 2007.

МАРТИН В.

2005 Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии... с. 360-391.

МЕЛЕТинский Е. М.

1976 Поэтика мифа. М.: Наука, 1976.

МИЛЮКОВА Е. В.

2004 «Около железа и огня»: картина мира в текстах самодеятельной поэзии южного Урала // Геопанорама русской культуры... с. 625-645.

МИТИН И. И.

2004 Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

МОРОЗОВА Л. Е.

2005 Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М.: Наука, 2005.

МОСКВА – ПЕТЕРБУРГ

2000 Москва – Петербург: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент., библиогр. Исупова К. Г. СПб.: РХГИ, 2000.

НАЙТ Н.

2005 Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии... с. 155-199.

НЕКЛЮДОВ С.
2000 Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. с. 17-39.

НИКОЛЬСКАЯ Т.
2000 «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917—1921). М.: Пятая страна, 2000.

НОВОПАШИН С. А.
2005 Священное пространство Урала. В поисках иных смыслов. Екатеринбург: Баско, 2005.
2007 Уральский миф. Создание мифологем как фактор успешного брендинга. Екатеринбург: Раритет, 2007.

ОДЕССКИЙ М. П.
2004 Волга – колдовская река: От «Двенадцати стульев» к «Повести временных лет» // Геопанорама русской культуры... с. 605-625.

ПЕСТЕЛЬ П. И.
1958 Русская Правда // Восстание декабристов. Документы. Т. 8. М., 1958. с. 113-168.

ПОДЛЕСНЫХ А. С.
2006 Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор» // Литература Урала... с. 76-81.

ПОНОМАРЁВА И.
2005 Главы из жизни Ивана Писахова. Архангельск: [б.и.], 2005.

PRO ET CONTRA
2007 Pro et Contra. Май – июнь 2007. № 3 (37).

ПОЭЗИЯ УЗНИКОВ
2005 Поэзия узников ГУЛАГа. М.: Материк, 2005.

ПРОСКУРИНА В.

2006 Мифы империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

РЕННЕР А.

2005 Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии... с. 436-472.

РУССКИЕ СТОЛИЦЫ

1993 Русские столицы. Москва и Петербург. Хрестоматия по географии России / Авт.-сост. Замятин А. Н., Замятин Д. Н.; общ. ред. Замятин Д. Н.; Предисл. Лаппо Г. М. М.: МИРОС, 1993.

САИД Э.

2006 Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский миръ, 2006.

САНДЕРЛЕНД В.

2005 Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870—1914 // Российская империя в зарубежной историографии... с. 199-228.

СИБИРЬ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ

2004 Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Международная научная конференция 24-26 сентября 2004 г. Иркутск: Научная библиотека ИГУ, 2004.

СЛЕЗКИН Ю.

2005 Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. с. 120-155.

2008 Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

- СЛОКУМ Дж. У.
2005 Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии... с. 502-535.
- СЛОТЕРДАЙК П.
2007 Сферы. Макросферология. II. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. с. 806-1114.
- СОБОЛЕВА Е. Г.
2006 Формирование мифа «Екатеринбург – третья столица» в текстах СМИ // Литература Урала... с. 95-103.
- СПИВАК Д. Л.
1998 Северная столица: Метафизика Петербурга. СПб.: Тема, 1998.
- СУХИХ О.
2005 Как «чужие» становятся «своими», или лексика включения Казахской степи в имперское пространство России // Вестник Евразии. 2005. № 3 (29). с. 5-30.
- ТЕРЕБИХИН Н. М.
1993 Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993.
2004 Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004.
- ТОРШИЛОВ Д. О.
1999 Античная мифография: миф и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999.
- ТЮПА В. И.
2002 Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. с. 27-35.

- ФАДЕЕВА Т. М.
2000 Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2000.
- ФИШМАН О. Л.
2003 Китай в Европе: миф и реальность (XIII-XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- ФРЕЙДЕНБЕРГ О. М.
1998 Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- ФРЕЙДИН Ю. Л.
2004 Пространство Урала у О. Мандельштама. Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. Ред. Зайонц Л. О.; Сост. Абашев В. В., Белоусов А. Ф., Цивьян Т. В. М.: Языки славянской культуры, 2004. с. 593-605.
- ХАБЕРМАС Ю.
2003 Философский дискурс о Модерне. М.: Весь мир, 2003.
- ХЮБНЕР К.
1996 Истина мифа. М.: Республика, 1996.
- ЦЫМБУРСКИЙ В. Л.
2006 Александр Солженицын и русская контрреформация // Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993—2006. М.: РОССПЭН, 2006. с. 477-478.
- ШЁНЛЕ А.
2004 Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790—1840. М.: Академический проект, 2004.

ШМИТ К.

2008 Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008.

ШУЛЬМАН Ю.

2003 Борис Шергин, запечатленная душа народной культуры Русского Севера. М.: Фонд Бориса Шергина, 2003.

ЭЛИАДЕ М.

1987 Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987.

1994 Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994.

2000 Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000.

ЯЦЕНКО С. А.

2007 Кавказ для России, Россия для Кавказа: Образы и реальность // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое; отв. ред. Яковенко И. Г.; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. с. 662-683.

CROUCH D.

2001 "Spatialities & the Feeling of Doing", «Social & Cultural Geography», 2001, Vol. 2, n. 1. pp. 61-73.

MANGUEL A. & GUADALUPI G.

1999 *The Dictionary of Imaginary Places. The newly updated and expanded classic*, Bloomsbury, London 1999.

MCLEAN S.

1999 "Touching Death: Tellurian Seduction and Spaces of Memory in Famine Ireland", in *Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology*, 1999. Vol. 4. pp. 61-73.

REFLECT... K...

2007 «Reflect... K... Multicultural multilingual magazine», n. 25 (32). Chicago, 2007.

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Zamjatin
ESTRATTO

Finito di stampare nel mese di aprile 2016
con tecnologia *print on demand*
presso il Centro Stampa "Nuova Cultura"
p.le Aldo Moro, 5 - 00185 Roma
www.nuovacultura.it

Per ordini: ordini@nuovacultura.it
[INT_9788868126162_17X24bn_LN04]